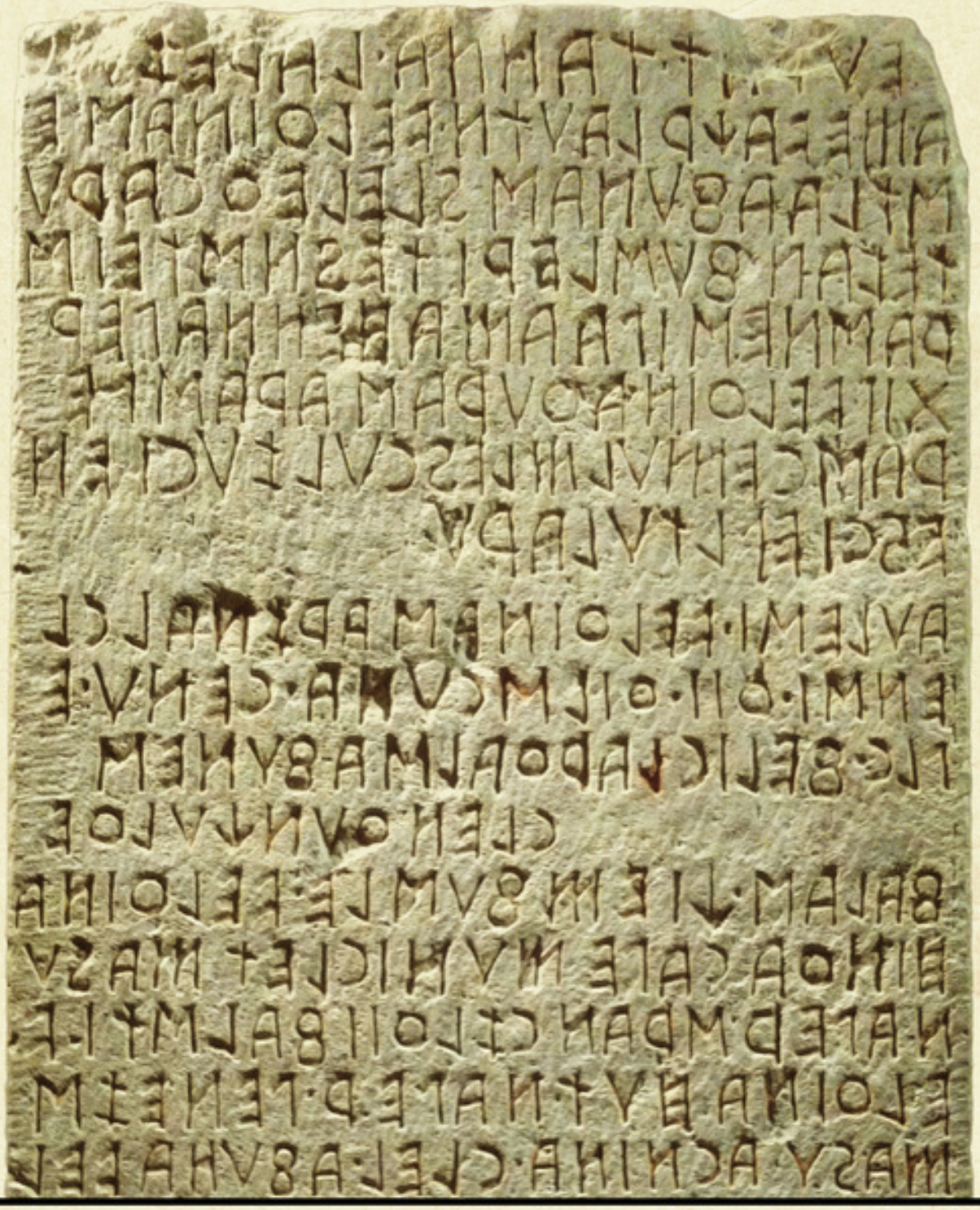
Светлана Молева

ЕДИНОРОДНОЕ СЛОВО



Опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка

Светлана Молева

Единородное Слово. Опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка

«Алетейя»

2014

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Молева С. В.

Единородное Слово. Опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка / С. В. Молева — «Алетейя», 2014

Работа представляет впервые осуществленный перевод древнейшего из всех доступных современной науке русских текстов, который насчитывает около трех тысяч лет. Этот памятник русской письменности X–IX вв. до Р. Х. известен как текст Перуджианского камня (по современному месту нахождения) и доныне оставался непереведенным памятником культуры этрусков. Открывающиеся в переводе сведения дают возможность приподнять многовековую таинственную завесу над глубочайшими пластами русской веры и русской истории, современными самым древним цивилизациям мира.Предварительная публикация глав из книги (Речь: Сб. первый. Псков, 1966) и ее первое издание (вышло во Пскове в 2000 г. тиражом 200 экз.) были отмечены положительными отзывами в центральной российской печати (Алексахин И. Мы жили в Палестине? Или Три сенсации, которые стараются замолчать // Экономическая газета. 1988. 15 апр.; Личутин В. Лавровый венец России // День литературы. 2000. № 11–12).Настоящее издание дополнено статьями близкой проблематики, тематически примыкающими к основной работе.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

© Молева С. В., 2014
© Алетейя, 2014

Содержание

Вступление 5
Часть I 8
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Светлана Молева
Единородное Слово: опыт постижения древнейшей русской веры и истории на основе языка

Вступление

На всей земле был один язык и одно наречие.
Быт 11:1

Народ и язык – «единица неразделимая», так сказал известный русский ученый, автор уникального Словаря древнерусского языка Измаил Иванович Срезневский.

Науки прошлого и настоящего, специалисты по языку и историки, философы и политологи посвятили немало страниц вопросу о том, каковы основные предпосылки созидания народа, нации, наконец, государства.

Церковь раз и навсегда решила этот вопрос однозначно. Библейское предание о смешении языков и падении Вавилонской башни – это заповеданный на все времена рассказ о гибели одного из самых древних и устойчивых государств, Шумера. Незыблемо крепкий и процветавший много тысячелетий Шумер в сравнительно краткий срок рухнул, подточенный изнутри распадающимися верой и языком.

Вера и язык неотделимы друг от друга. С искажением веры отмирают целые глубокие языковые пласты. С искажением языка происходят подчас неявные, но долговременные и разрушительные процессы внутри веры. И то и другое губительно для народа. Ибо вера и язык, созидающие единое духовное тело народа, формируют наше сознание, обеспечивают народу и нации нравственное и физическое здоровье.

Обладая мощной духовной энергией, язык вместе с тем хранит в себе такие высокие и сокровенные знания, которые не могут быть постигнуты ни с помощью научных экспериментов, ни житейским опытом, ни абстрактными построениями лукавого ума. Но такие познания приоткрываются единственно через любовь к слову и духовное единение с ним.

Ларь-хранитель Священных
Знаний ныне мы запираем снова.
Все исполнилось силой слова, —

читаем мы в арийской поэзии, на многие века опередившей ветхозаветные тексты.

Слово неисчерпаемо. Даже ученики Исуса Христа, четверо евангелистов-апостолов, последнее, реченное Им на кресте, донесли до нас по-разному:

«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» /Мф 27:46; Мр 15:34/;

«Отче! в руки Твои предаю дух Мой» /Лк 23:46/;

«Совершилось!» /Ин 19:30/.

Можем ли мы предположить, что святые апостолы не знали или не сумели запомнить доподлинные слова Спасителя? – Нет, не можем. Но именно здесь явлена тайна произнесенного слова, которое доносит до каждого истину лишь в той мере, в какой мы готовы принять ее и осмыслить.

И Новый Завет настойчиво и неоднократно обращает на это наше внимание:

«Не все вмещают слово сие, но кому дано» /Мф 19:11/;

«Кто имеет уши слышать, да слышит!» /Мф 13:9/;

«Слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите; ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат» /Мф 13:14—5/;

«Почему вы не понимаете речи Моей? потому что не можете слышать слова Моего» /Ин 8:43/.

Как слабеет и угасает пламя свечи, если не возжечь от нее новую свечу, так перестает освящать нас слово, передаваемое друг другу безблагодатными устами.

И если сегодня вера отступила от нас, росов, то прежде всего потому, что мы расточили собственный язык: отреклись от великой части великого словесного богатства; позволили расхитить его, бездумно отдавая право на родное слово иным языкам и народам.

Потому-то слово отдалилось от нас, стало пустым звуком, бесплотной оболочкой и, отторгнутое нами, уже не затрагивает ни нашего сердца, ни нашего ума, ни нашей памяти.

Спросите сегодня у первого встречного: что русского слышится ему в слове *апостол*? Можно наверняка предугадать, что мало кто потщится поискать в этом, ставшем «чужим», слове исконные русские основы.

Между тем они живы, они здесь, они звучат въяве: АПОСТОЛ.

АПО, АПА – древнерусское *надежда;* СТОЛ – древнерусское же *сила, могущество, трон, аналой, престол* как символ верховной или учительской власти. И когда послал Господь двенадцать апостолов, то были они не просто *проповедники,* как переводят с греческого, но *сила надежная* и *надежда Могущественного,* пославшего их.

Слышим ли мы это ныне, когда произносим слово *апостол*?

Воистину, «будете слышать и не услышите»…

Для нас, чье сознание расколото до такой степени, что представление о божественном и богоподобном сотворении человека мирно уживается с представлением об обезьяньем предке, орудующем каменным зубилом, уже и собственное имя превратилось в пустой набор звуков.

Даже прозвище или кличка говорят нашему сознанию больше, нежели отчужденные нами же многие родные имена, смутно относимые то ли к греческим, то ли к еврейским, то ли к тюркским.

Мы живем и умираем, не зная, не понимая, не чувствуя собственного имени.

Между тем именно оно определяет идеальные границы человеческой личности. Человек без имени – ничто. И древние хорошо сознавали это. Путем уничтожения, замалчивания или искажения имени стирались в исторической памяти человечества целые народы и государства.

«…Истребите имя их от места сего», – повелевает Ветхий Завет /Втор 12:3/, поскольку, пока живет имя, жив и его носитель.

Менее чем за восемьдесят лет русские дважды столкнулись с посягательствами на свое имя. Еще недавно «советские люди», сегодня мы всеми силами средств массовой информации превращаемся в «**россиян**». Нацеленное на подсознание, это энергетически вялое, распадающееся имя не предрекает ли нам глобальное и непоправимое **рассеяние**?

Уничтожьте их имя…

Имя народа – носитель национальной исторической памяти. А история росов и России более темна, чем история шумеров и этрусков, с которыми связана прочно, хоть пока нами не сознаваемо.

Непостижимое богатство нашего языка, таинственная близость его к священному санскриту, не имеющая мировых аналогов по духовной силе литература, не мыслимая у других народов веротерпимость – все это и многое другое свидетельствует о нашем незапамятно долгом историческом пути.

Имя рос, вопреки куцей отечественной историографии, отчетливо просматривается в среде самых древних цивилизаций и в переводе со многих языков означает *высокий, глава, вождь, мудрец, пророк.*

Многое указывает на то, что, немногочисленный в силу особых религиозных причин, народ рос издревле являл собой ствол, удерживающий могучее арийское древо.

Мы – росы. Мы – арии. И на протяжении тысячелетий, питая своей духовной энергией многие и многие народы, умирая и возрождаясь, мы сохранили не только свое имя. Но и свою – Правую – веру.

Боже Правый, Боже Святый, Боже Единый – вновь и вновь призывает текст Перуджианского камня еще за тысячу лет до прихода Спасителя.

Часть I
«Слово об ариях»
Памятник русской письменности X–IX вв. до Р. Х

Не удерживай слова, когда оно может помочь: ибо в слове познается мудрость и в речи языка – знание.
Сир 4:27-28

Эта работа представляет впервые осуществленный перевод древнейшего из всех доступных современной науке русских текстов, который насчитывает около трех тысяч лет. Ныне он известен как текст Перуджианского камня[1] и до сего дня оставался непереведенным памятником этрусской письменности. **Открывающиеся в переводе сведения дают возможность приподнять многовековую таинственную завесу над глубочайшими пластами русской веры и русской истории, современными самым древним цивилизациям мира.**

«Etruscum est, non legitur (Этрусское не читается)», – говорили древние римляне о письме народа, заложившего основу мощной Римской империи. И до наших дней письменность этрусков, их культура да и самый народ остаются загадкой.

Науке известно свыше одиннадцати тысяч этрусских текстов. В основном это краткие надписи на предметах быта (знаменитые этрусские вазы, зеркала, монеты, оружие и т. п.) и на надгробиях. Одним из самых обширных среди сохранившихся является памятник, представляющий текст, высеченный на каменной стеле и датируемый VI–V вв. до Р. Х., – Перуджианский камень.

Ученые разных стран предпринимали неоднократные попытки перевода этрусской письменности. Множество языков, вплоть до наречий племен Африки, принимались за исходный для расшифровки этрусского письма. Но все усилия не приносили убедительных результатов. При этом опыты переводов с этрусского языка с ориентацией на русский (XIX в.) никогда не учитывались мировой наукой.

Лишь благодаря деятельности отечественных ученых XX в. этрусские памятники зазвучали. И язык их действительно оказался **русским**. Но и это событие до сих пор не вызвало адекватных откликов ни в научной, ни в мало осведомленной общественной отечественной среде, что, впрочем, и понятно: русский голос, дошедший из глубины тысячелетий, не только озадачивает, но и опрокидывает многие установленные представления. Ибо в мировой науке издавна утвердилась глубоко ложная аксиома, будто русские – нация исторически молодая и еще в VI–VII вв. предки наши жили в землянках и дуплах, орудуя едва ли не каменными ножами.

Известно, что возраст народа соотносят прежде всего с его письменной культурой. В свое время латины в борьбе за «право первородства» постарались стереть всякую память об этрусках. Но легкомысленно отрицать глубокую древность и высочайшую культуру этого народа на том только основании, что от его письменности мало что осталось, кроме кратких надписей. То же следует признать относительно древности происхождения русских и всей семьи славян. Поражает, как мало внимания нашей древности уделяет даже отечественная наука. Вниманием обойдены, к примеру, русско-византийские дипломатические связи V–VI вв., зафиксированные историческими источниками. В работах, посвященных этому периоду, русские пред-

[1] Памятник получил название по месту хранения его в итальянском городе Перуджиа (совр. Перуджа; древняя Перусия – вначале этрусский, а затем – с 309 г. до Р. Х. – римский город /1/).

ставляются как «варварские» разрозненные «племена», в разное время либо враждовавшие с Византией, либо служившие ей в качестве наемной ратной силы под водительством жадных до золота вождей.

Между тем эти мало исследованные страницы истории росов должно рассматривать не как неустойчивое, ситуативное, обусловленное для Византии военной необходимостью сотрудничество, порой переходящее в немыслимые притязания нищих разобщенных восточнославянских племен на владение Константинополем, как характеризуют большую славяно-византийскую войну 550–551 гг., а также войны конца VI-го и последующих веков, но как постепенный и неуклонный **перенос силы арийского[2] мира на территорию древнерусских земель**. Чему предшествовала яростная религиозная борьба, развернувшаяся в Малой и Передней Азии, Средиземноморье и Черноморском регионе между язычеством, иудаизмом и набирающим силу христианством и сопутствовавшее ей мощное переселение народов[3].

Очевидно, к IX–X вв. такой перенос силы произошел, что и подтверждают русско-византийские договоры, вынужденно заключаемые ромеями на паритетных условиях, а главное – внезапный и стремительный разгром русскими (чья государственность даже и в этот период до сих пор ставится под сомнение) под водительством князя Святослава воинственной иноверческой Хазарии, на протяжении столетий являвшей грозу и ужас величественной ВосточноРимской империи.

Пролить свет на русскую историю I–VIII вв. (к более ранним сведениям о росах мы обратимся ниже) могли бы собственно русские источники тех времен. Но древнерусские письмена, существовавшие (о чем сохранилось немало исторических свидетельств) задолго до солунских посланцев Кирилла и Мефодия, фактически уничтожены.

Как и этрусские письменные памятники, древнерусское руническое письмо (письменность «черт и резов») сохранилась только на предметах обихода, да и то некоторые склонны видеть в ней беспорядочный орнамент или некие ритуальные знаки.

В то же время 863 г. считается не подлежащей сомнению, научно признанной датой обретения славянами письменности. Курьезным, а для строгой науки очевидно сомнительным должен быть сам по себе факт фиксации точной даты получения письменности огромным народом, который уже на протяжении столетий обладал высокой культурой, о чем свидетельствуют сохранившиеся и до наших дней материальные памятники. (Подобные сомнения касаются также другой знаменитой даты – крещения Руси в 988 г., столь счастливо запечатлевшейся в вообще крайне «темной» истории росов, аналогом которой, как уже говорилось, может служить разве что история шумеров или этрусков.) Притом, по необъяснимой рассеянности, славяне (как, впрочем, и иные соседствовавшие с ними культурные народы) не сумели донести до не столь уж далеких потомков: кириллицу или все же глаголицу следует считать подаренной нам письменностью. Между тем известно, что даже и дикие племена, которых когда-либо коснулось представление о письме, тысячелетиями сохраняли непонятные им знаки, связывая их с именами тех, кем они впервые были начертаны.

Все эти несообразности имеют лишь одно достаточное объяснение. Русские и вообще славяне несомненно имели собственное письмо издревле, о чем свидетельствует прежде всего сам св. Кирилл. Все 48 дошедших до нас списков Жития Константина Философа сообщают, что в Херсонесе он обнаружил «Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами» /3/.

---

[2] Имя арийцев в XX в. опорочено человеконенавистнической идеологией и практикой гитлеризма (возросшего, кстати, на совсем иных корнях). Поэтому любое упоминание о принадлежности к арийскому имени незамедлительно вызывает эмоциональное отторжение в массовом сознании, связываясь исключительно с претензией на биологическое превосходство. Однако факты дискредитации имени народа или человека не единичны и не случайны в истории.

[3] Во II в. огромная территория (на севере до Припяти, на востоке до Северского Донца, на юге до Дуная, на западе до хребтов Южных Карпат) «оказалась вдруг вовлеченной в стремительный процесс развития <…> Этот скачок по своей значимости и достижениям равен предыдущему тысячелетию, если не более того» /2/.

Екатерина II в «Записках касательно русской истории» писала, что наши предки «древнее Нестора письмена имели, да оные утрачены или еще не отыскались и потому до нас не дошли. **Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели»** /4/. Дошедшие до наших дней остатки письменности типа «черт и резов» неопровержимо подтверждают ее существование и побуждают задуматься об утраченном[4].

Уничтожение этой древнейшей славянской письменности, очевидно, есть результат непрерывной религиозной борьбы за «право первородства». Об остроте вопроса свидетельствует «Сказание о письменах» Черноризца Храбра. Лишь бегло упоминая, что у славян существуют некие «черты и резы», Черноризец уделяет пристальное внимание полемике о том, какая азбука священней и выше – славянская, созданная Кириллом, или греческая. В то время как суть вопроса, видимо, состояла в ином: быть или не быть древнейшему славянскому слоговому письму, которое подобно пуповине связывало крепнущий славянский мир с глубочайшей историей, тогда как греческое буквенное письмо уже значительно далеко отошло от этих истоков.

А духовная энергия слова плотно концентрировалась вокруг славянского древа.

Так начиналось мощное соперничество за духовное водительство между Византией и Древней Русью – будущим оплотом Православия.

Среди ученых, отстаивавших положение о том, что славяне имели свою письменность задолго до корсунских учителей, следует назвать В. А. Истрина, П. Я. Черных, В. Георгиева (Болгария).

Еще в начале 1960-х гг. В. А. Истрин писал: «К сожалению, изучению истории письменности, в том числе даже славяно-русской, в СССР должного внимания не придается. Ни в одном из многочисленных советских научно-исследовательских институтов не имеется отдела или сектора, который специально занимался бы историей письма. В результате изучение как всеобщей, так и русской истории письма продолжает проводиться в значительной мере в порядке индивидуальной инициативы отдельных советских исследователей. Лишь часть памятников предполагаемой русской дохристианской письменности опубликована. Публикации нередко представляют собой не документальные фотографии, а случайные зарисовки; как правило, они разбросаны по многочисленным, подчас труднодоступным сборникам и трудам институтов. Поэтому неотложной задачей является сбор всего фактического материала, его проверка, систематизация и опубликование в едином научно-документальном альбоме» /6/.

Кажется, эта работа так и не была осуществлена.

Фактически замолчены и закрыты для науки труды русских исследователей Г. Н. Бренева «Доисторическая цветная цивилизация» (Таллин, 1935) и П. П. Орешкина «Вавилонский феномен» (Рим, 1984)[5]. Независимо друг от друга эти ученые одинаково дешифровали многие тексты древних языков и пришли к сходным выводам: «Все алфавитные системы, где использованы иероглифы, имеют в своей основе единый язык. По своей грамматической структуре и коренному словарному составу язык этот – древнеславянский», который является продолжением **базового русского языка** (Г. Н. Бренев); «…в момент преднамеренной катастрофы был разбит и раздроблен на части единый язык», – пишет П. П. Орешкин, считая, правда, базовым языком древнеславянский. Этрусский же он прямо связывает с русским /7/.

---

[4] В 1909 г. старец Оптинский, иеромонах Нектарий (Тихонов,? 1928) говорил собеседнику: «Великими нашими старцами положен завет не трогать вовеки леса между скитом и обителью, кустика рубить не дозволено, не то что вековых деревьев». И смысл этого запрета становится ясен из рассказа другого здешнего старца, Варсонофия, будущему протиерею Василию Шустину (1910): «Тут он мне показал ряд деревьев – кедров, посаженных под какими-то углами. Эти деревья, говорил он, посажены старцем Макарием в виде клинообразного письма. На этом клочке земли написана при помощи деревьев великая тайна, которую прочтет последний старец скита». В 1920-х гг. оптинский заповедный лес был вырублен под корень /5/.

[5] В настоящее время появились отечественные издания: *Бренев Г. Н.* Доисторическая цветная цивилизация. СПб.: Потаенное, 2010; *Орешкин П. П.* Вавилонский феномен. СПб.: ЛИО «Редактор», 2009. – *Примеч. ред.*

В последние годы немалые усилия к изучению нашей древней истории, а также истории древней русской письменности приложила не столько официальная наука, сколько исследователи-подвижники, и среди них Г. С. Гриневич и В. И. Щербаков.

Именно они, на наш взгляд, сделали мощный прорыв в русских лингвистической и исторической науках. И хотя работам их до последнего времени не придавалось должного значения, остается бесспорным факт, что **эти исследователи бесповоротно восстановили связь истории и культуры русов и вообще славян с историей и культурой древнейших цивилизаций** (крито-микенской, трояно-фракийской, древнегреческой, древнеримской).

Г. С. Гриневич, на протяжении многих лет исследовавший древнее славянское письмо типа «черт и резов» и добившийся серьезных успехов в его дешифровке, открыл не только огромную область знаний о мире русских до так называемой кириллической письменности. Гигантский шаг был сделан им в область еще более глубокой истории нашего народа. Изучая письменность «черт и резов», он обратил внимание на сходство многих знаков этого древнейшего славянского письма со столь волнующими мировую науку знаками этрусской письменности. Этому открытию посвящены многие страницы его замечательной книги «Праславянская письменность: Результаты дешифровки» (М., 1993).

До этих исследований общепринятым считалось, что этрусское письмо является алфавитным, а направление письма – справа налево (хотя, как указывает сам ученый, попытки любыми путями проникнуть в тайну этрусского письма приводили даже к тому, что левую часть надписи пытались читать справа налево, а правую – слева направо). Гриневич твердо установил, что этрусское письмо несомненно является слоговым (с открытыми слогами типа Г и СГ, т. е. гласный и согласный плюс гласный), а направление письма – слева направо.

Озвучить этрусские знаки исследователю помогла работа по озвучиванию знаков древнейшей славянской письменности: «Идентификация этрусских знаков проводилась, главным образом, путем сравнения их начертаний с начертаниями знаков письменности типа “черт и резов” <…> Лишь иногда отдельные знаки сопоставлялись с аналогичными знаками других надписей, дешифровка которых шла одновременно и параллельно с дешифровкой этрусских надписей. Как всегда, основным “инструментом” являлась при этом “Сводная таблица знаков праславянской письменности”» /Гриневич, 176/.

Воспользовавшись установленными соответствиями, Гриневич составил таблицу звучаний знаков этрусской письменности и, опираясь на нее, успешно перевел многие этрусские надписи. **Этрусское письмо заговорило древнейшей русской речью.**

Гриневичем были также проведены озвучивание, разбивка и попытка перевода текста Перуджианского камня. За неимением возможности привести этот перевод полностью, ограничимся его началом:

«Слова нижу без ярости. ярого “племени”» нас (нашего). нашей ярости вожи (гл. водить).

Жертвы приносим, а “племя” в рже живет. Клятвой, что (в) ярость без крови, оно твердо.

Оба яйца в жире жаром изливающиеся, яростью называем (гл. намьнити – называть).

Мои же изнуренные мужи нас и без жертвоприношений вознесли (над) “племенем” ниже нас…» /Гриневич, 212/.

А теперь несколько слов о мотивах, побудивших автора этой книги обратиться к тексту Перуджианского камня.

Высокая духовная организация древних росов, богатейшие в мире язык и фольклор, мощная культура Древней Руси, в исторически краткий период поднявшаяся будто бы на основе «дупляной» и «земляной» культуры разрозненных языческих племен, удивительная терпимость русских к иным религиям и обычаям, несомненно свидетельствующая о глубоком историческом опыте совместного бытия со многими народами, – все это и многое другое указывает на древнейшие корни народа рос. Пытаясь проникнуть в глубину истории росов за

жесткие, хотя и крайне пристрастно обоснованные официальной наукой рамки русской истории, важно было не просто отыскать в обычаях и культурах древних цивилизаций сходные с русскими черты, но определить общие опорные мировоззренческие позиции, а также открыть в древних ономастике и топонимике – этих наиболее устойчивых элементах языка – имена, несомненно принадлежащие славянскому миру.

Изучение материалов по истории Шумера, Египта, Палестины, Трои, Индии, Греции, Рима и других древнейших центров культуры с такой позиции принесло обширнейший материал, обработка которого дала обещающие результаты[6].

Многие сведения Библии подтверждают: народ рос *(рош* /БЭ, с. 609/) существовал издревле.

Чтобы окончательно утвердиться в этом, долгое время недоставало главного: письменного источника периода существования какой-либо из названных цивилизаций, написанного на русском языке. **Теперь искомый письменный источник наконец обретен.**

Работа с текстом Перуджианского камня не только позволяет установить подлинное содержание этого древнейшего на сегодня русского текста, но и побуждает собрать воедино представления о древнем народе рос, его вере и месте в мировой цивилизации.

С глубочайшей древности росы представляли особое, организующее звено в семье арийских народов, тысячелетиями сдерживая распад единой веры и языка. В недрах этого высокоорганизованного народа ткалась живая светоносная материя, способная воплотить Бога Слово[7]. Пришествие Спасителя нашего Исуса Христа развязало, как представляется, тесные кровные узы немногочисленных прежде росов[8] (узы, обусловленные глубоко религиозными причинами) и утвердило между ними понятие о родстве более высоком – духовном. Так повествует Евангелие:

«И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь» /Мф 12:47–50/.

Ревностное следование духовному завету и дало возможность росам уже к VII–VIII вв. проявиться в истории как многочисленному и сильному народу – союзнику и сопернику христианской Византии, пытавшейся незыблемо утвердить свое духовное водительство.

Переселение народов I–II вв. вытеснило значительную часть славянского населения, и среди них росов, из регионов Малой и Передней Азии, Средиземноморья и Черноморья на

---

[6] В качестве примера укажем на известный лишь узкому кругу специалистов источник, который трудно заподозрить в стремлении углубить русскую историю. Речь идет о еврейско-хазарской переписке X в. В предисловии к публикации этих документов их исследователь П. Н. Коковцов, цитируя еврейский письменный источник – «Книгу Иоссипон», сообщает, «что, “по мнению некоторых, славяне происходят от ханаанцев”. Как известно, это странное мнение успело вполне утвердиться в еврейской письменности, где, начиная с знаменитого Соломона Инцхаки (Раши, ум. 1105), славянский язык систематически именуется “ханаанским”», и оправдано «тем соображением, будто бы ханаанцы, спасшиеся бегством от Иисуса Навина и израильтян, вступивших в Палестину, удалились в славянские земли» /8/.В какие именно? Арабский географ ал-Бекрий писал, что «страны славян тянутся от Сирийского (т. е. Средиземного) до окружающего моря (т. е. океана)» /9/. *Ханаан* значит «покорная, подвластная, униженная земля» /БЭ, с. 740/. Как известно из библейских текстов, не всем ханаанам привелось «удалиться» из «подвластной униженной земли». Так, в Новом Завете упоминается хананеянка, которая «была язычница, но имела великую веру во Христа» /БЭ, с. 741 (подчеркнуто мной. – *С. М.*)/.В той же работе Коковцова, со ссылкой на арабских географов ал-Истахрия, Ибн-Хаукаля, ал-Идрисия, говорится: «Любопытно, что у тех же арабских географов вместе с “русским” племенем *Славия* упоминается, в качестве другого племени тех же Русов, народ *Артания* со столицей *Арта»* /10/. Возможно, Арта – это Аратта, торговый город на Иранском нагорье. Но сколь имя народа русов – *Артания* – близко по звучанию к имени *Иордан*! Словом, как скоро мы убедимся, Древнюю Палестину и другие восточные земли среди прочих племен и народов населял многочисленный славянский народ, включая славян, именуемых в библейских текстах хананеями. И теперь только остается сожалеть, что от географической литературы арабов «до нас дошли только жалкие остатки» /11/.

[7] «Бренев показывает, что “русские совсем не нация изначально, а белый вождь всех цивилизаций, всех территорий <…> создавший «энергетическую» мужскую религию Бога Отца, мировой язык и мировую власть”» /12/.

[8] «Предрешено было в старые времена, чтобы мы сплотились с иными и создали державу великую» /13/.

земли современной России, где издревле существовали славянские поселения[9], в разное время подпитываемые выходцами из других регионов. О таких колониях, исходящих из очагов арийских цивилизаций, сообщает еще Заратуштра. Смешиваясь на пути своего следования и расселения с небольшими народами и племенами, передавая им свой язык, веру, культуру, древние росы заложили основу будущей великой нации русских.

Во всяком случае, для Древней Руси очевидно стремление к устроению государства по принципу христианских представлений об иерархии (подобные воззрения на иерархичность вселенной, видимого и невидимого миров ранее всего мы обнаруживаем на разных этапах существования древнейших государств – Шумера и Египта). Очевидно, к тому были существенные предпосылки, на что указывают прежде всего многие жития русских святых, и в их числе – русских князей.

«Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе <…> ключ к пониманию русской жизни лежит в области религиозной, церковной, и не усвоив этого, не поймем мы ни себя, ни свой народ, ни свою историю» /15/.

Только яростная борьба, ставившая русских на грань выживания на протяжении многих веков, мешала воплотить высокие духовные заветы христианства.

«Христианское мировоззрение давно подметило в череде исторических событий некую необъяснимую на первый взгляд странность. Походы и войны, мятежи и революции, смены династий и свержение престолов, экономические кризисы и политические интриги – эти внешне бессвязные и хаотические явления соединены между собой удивительным единством последствий. Их конечным результатом всегда является разгром национальной государственности и попрание христианских святынь. <…> “Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь” /2 Сол 2:7/. В этом апостольском призыве – ключ к пониманию многих загадок истории и наших сегодняшних недоумений» /16/.

По подсчетам В. О. Ключевского, великорусская народность «за 234 года (1228–1462 гг.) вынесла 160 внешних войн. В XVI веке Московия воюет на северо-западе и западе против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции 43 года, ни на год не прерывая между тем борьбы против татарских орд на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII веке Россия воевала 48 лет, в XVIII веке – 56 лет. В целом для России XIII–XVIII веков состояние мира было скорее исключением, а война – жестоким правилом» /17/.

Тем не менее именно Россия подняла знамя Православия после падения Византии и пронесла его вплоть до начала XX в., когда мощная, раскинувшаяся на две части света держава не имела в своих официальных анкетах и справочниках графы «национальность», но лишь графу «вероисповедание».

О древнейших, пока не проявленных страницах истории народа *рос (рош),* о его связях с этрусками и этрусской письменностью, обусловленных прежде всего общим арийским происхождением, об исторической связи нашего народа с землями библейской Палестины, на которых разыгрались трагические события, описываемые в тексте Перуджианского камня, мы поговорим после переведенного нами текста.

А пока, прежде нежели приступить к этому сложному и крайне неожиданному по своему содержанию тексту, разбивающему многие предвзятые представления о нашей вере и нашей истории, придется хотя бы кратко коснуться некоторых особенностей древних письмен, а также представить описание самого памятника.

---

[9] М. В. Ломоносов считал: «Что словенский народ был в нынешних российских пределах еще прежде Рождества Христова, то неоспоримо доказать можно» /14/.

Вполне понятны затруднения специалистов, десятилетиями бьющихся над попытками расшифровки этрусской письменности. И дело здесь не только в том, что при переводах до сих не принимался в расчет русский язык, но, что не менее важно, упускалась из виду вероятность того, что этрусская письменность (как и древнейшее славянское письмо типа «черт и резов») несла в себе признаки и свойства особого **священного** письма арийских народов, пришедшего из глубокой древности.

Известный знаток эзотерики Сент-Ив д'Альвейдр писал об этом так:

«По моему исследованию древнего алфавита Кабалы, состоящего из двадцати двух букв, самый скрытый и тайный, служивший, вероятно, прототипом не только для всех других такого же рода, но и для знаков ведийских и для букв санскритских, – есть алфавит арийский <…> буквы его имеют морфологическое строение, то есть представляют доподлинно идею своими очертаниями, что делает из них тип исключительный <…> внимательное изучение показало мне, что эти буквы есть первообраз зодиакальных и планетных знаков, что также имеет огромное значение. Браманы называют эту азбуку "Ваттан". По-видимому, она принадлежала первой человеческой расе, потому что своими пятью начальными формами, строго геометрическими, она сама себя обнаруживает <…> эта азбука пишется снизу вверх, и ее буквы расположены таким образом, чтобы составлять морфологические схемы или говорящие изображения. Пандиты <…> пишут ее слева направо подобно санскритской, следовательно, по-европейски. На основании всего вышеизложенного, эта основная из всех азбук "Каба-Лимг" принадлежит арийскому племени».

Кабала, по мнению д'Альвейдра, пришла к иудеям из Вавилона и «составляла часть того, что академии метрополий называли мудростью, то есть синтезом наук и искусств, приведенных к своему общему принципу. Этот принцип был Слово или Глагол», но он был «утрачен и искажен примерно за 3000 лет до Спасителя»[10] /18/.

В существовании сакрального алфавита убеждает не столько вышеприведенная цитата, сколько глубочайшие, утраченные современным миром знания в области языка, фрагменты которых мы то и дело обнаруживаем при изучении древних культур, а также само масштабное, воистину космическое миропонимание некоторых цивилизованных народов древности.

Старинная истина «все гениальное просто», на наш взгляд, влечет за собой простой вывод: а следовательно, должно быть естественным и не противным законам жизни.

При работе с древнейшими именами собственными, в процессе которой обнаруживается настойчивое повторение некоторых корней, эта ставшая расхожей истина и наталкивает на мысль о том, что к столь долго искомым наукой пракорням скорее всего может привести изучение младенческой речи. Ибо первые звуки младенца: А, ВА (АВА), ДА, ПА, БА, РА и проч., столь часто повторяющиеся в именах древних народов Азии, Африки и Европы (начиная с ветхих Адама и Евы), – несомненно принадлежат к словам-семенам и, что особенно важно, некогда, видимо, являлись древнейшими именами Бога-Творца. (А потому эти значащие созвучия логично назвать **пракорнями**[11].)

На это указывает прежде всего частица «А», превращенная впоследствии – в результате раскола веры – в отрицание у многих восточных народов (кстати, и у греков, о которых речь

---

[10] Эта дата хронологически вписывается в историю древнего Шумера, как приблизительное время вторжения в Месопотамию некоего инородческого населения и начала постепенного ослабления многотысячелетнего государства шумеров, закончившегося Вавилонским смешением.

[11] «…Ум человека все забыл, потерял <…> но если ум – дурак, то рефлекс всегда стихиен, бессознателен, гениален, целесообразен и точен. Он в нужных деталях все запомнил, отложил в крови <…> и в языке. Язык оказался самой лучшей историей; сама редакция языка все рассказывает точно, рисует картины наивных глубин детства человечества, говорит о великом и героическом прошлом <…> Все тайное становится явным в деталях точной науки» (Г. Н. Бренев) /19/.По теории В. Гумбольдта и его последователей, первоначальный язык состоял из одних «корней», т. е. слова не имели ни префиксов, ни суффиксов, ни окончаний. «Слова обладали ясностью и непринужденностью, но в то же время были слишком перегружены многозначностью» /20/.

ниже); и устойчивые зачины русских былин и песен – А и ДА, в XIX–XX вв. почти вытесненные именем И (ИЛИ).

Вопреки общепринятому мнению, что А, ДА, И (ИЛИ) русского фольклора являются всего лишь союзными частицами, есть основания предположить, что А следует рассматривать как имя Единоначального Бога, а ДА – как его синоним в качестве Бога Утверждающего, Правого, причем оба имени являются древнейшими. Что касается имени И (ИЛИ), оно, возможно, отразило момент религиозного разделения некогда единоисповедного народа[12] (ср. условный союз *или – или)*. Потому, видно, наш богатейший язык столь бережен и осторожен в обращении с «А»: с началом на «а» у нас почти нет причастий и глаголов, в основном только существительные /21/. Но и эти немногие существительные, как правило, имеют древнейшие формы на *о, ха, ка* либо являются заимствованиями из чужих языков.

Во всяком случае, эта гипотеза объясняет частое отсутствие (с современной точки зрения) каких бы то ни было религиозных реалий, хотя бы и языческих, во многих русских обрядовых – в том числе свадебных и погребальных – песнях. Что, несомненно, указывает на их глубокую древность[13].

В этом же значении выступают имена ДА и, видимо, более позднее И[14], иначе затруднительно объяснить, почему обрядовые песни глубоко религиозного народа практически не упоминают имени Бога. Возможно ли это было во времена, когда русский человек и малого дела не начинал, не призвав на помощь имя Творца? Поздним отголоском уже неосознаваемого значения этого имени предстает истовое стояние за «единый аз» русских старообрядцев в борьбе за наследованную веру.

И наконец, особую глубину в этом случае являют Господни слова: «Аз есмь алфа и омега, начаток и конец…» /Откр 1:8/.

Что до упомянутого выше сообщения д'Альвейдра о «звездном» происхождении священного арийского алфавита, то изучение знаков этрусской письменности и сопоставление начертаний некоторых из них с наиболее яркими созвездиями наводят на вполне фантастическую, по нашим временам, мысль: если такой алфавит действительно существовал, то не являлся ли он последовательным соотнесением все более отчетливого произношения и освоения звуков

---

[12] Эти догадки, благодаря последним публикациям, получаютвесомое подтверждение. Так, французский мыслитель Рене Генон, говоря о тайных именах Бога в некоторых возрожденческих обществах, сообщал, «что Франческо Барберини в своем *Tractatus Amori's* изображает себя в позе поклонения перед буквой *I (И)*; а в "Божественной комедии" Адам говорит, что первое имя Бога было *I (И)*, а имя, которое пришло затем, было *El (Эль)*. Эта буква *I*, которую Данте называет "девятой фигурой", согласно ее месту в латинском алфавите <…> очевидно, есть не что иное как *иод (iod)*, хотя последняя есть десятая буква еврейского алфавита (а также славянского – «и» десятеричное. – *Ред*.); и действительно, *иод*, помимо того, что она является первой буквой *Тетраграммы*, образует божественное имя сама по себе, будь она изолирована или повторена три раза» /21а/. В «Божественной комедии» Адам рассказывает: «Пока я не сошел к томленью Ада, / "И" в дольнем мире звался Всеблагой, / В котором вечная моя отрада; // Потом Он звался "Эль"…» («Рай», песнь XXVI, ст. 133–136). Современный русский традиционалист приходит к важным выводам на отечественном материале, демонстрируя «расшифровку старообрядческими полемистами символической нагрузки самого слова "алиллуйя": "ал" – символизирует Бога-Отца, "илл" – Сына, а "уйя" – Святого Духа. Никакой внятной "научной" аргументацией это утверждение не было оснащено. Все это можно было бы отнести к области курьезов, если бы не исследования Германа Вирта. Уже в XX веке по мере реконструкции протоязыка человечества, в ностратических и даже праностратических его пластах обнаружилось, что древнейшей сакральной формулой обращения к Богу было сочетание трех гласных звуков "а", "i", "u". Получается, что староверы, непонятно каким образом, еще в XVII веке сохраняли древнейшие, тысячелетней давности (а возможно, еще более древние) формы сакрального взывания к Божеству» /21б/. А мы добавим, что не менее удивительно, как на излете XX в. автору настоящей книги удалось проникнуть в сокровенную тайну языка. – *Примеч. ред*.

[13] Если принять А (ДА) как древнейшее имя Господа (а не как «связующее» союзное слово), русские обрядовые песни и былины обогащаются невыразимо поэтичным и глубоко религиозным чувством, потому что почти каждая строка в них тогда зачинается призыванием Божиего имени:А (Бог) й во стольноем во городи во КиевиА (Бог) й у ласкова князя у ВладимираА (Бог) начинался заводился да почестной пир и т. д. /22/.

[14] Известно, что в конце XV–XVI вв. соединительное значение союза *а* стало вытесняться значением противительным /23/, а в XVII–XVIII вв. *и* в качестве союза стало вытеснять *да* (это изменение приходится на времена никоновских и петровских реформ, как видно, не случайно). Новейшие издания фольклора окончательно и своевольно избавились от зачинов А, ДА, И – тоже своего рода реформа /24/.

младенцем с постепенным проявлением на вечернем небе видимых глазу очертаний созвездий, где некоей определяющей точкой, может быть, являлась Полярная звезда – альфа и омега всех странствующих и путешествующих, всех ищущих познания, всех ощущающих свою связь с Вышним, иначе, говоря на языке древних, – живых.

Эта воистину фантастическая для наших современников гипотеза, возможно, рано или поздно найдет подтверждение[15]. По крайней мере, известно, что древней мысли не были чужды поиски такого рода, чему находится много свидетельств.

Отец истории Геродот сообщает, что фараон Псамметих (VII в. до Р. Х.), желая определить, какой из народов на земле является древнейшим, повелел отдать двоих новорожденных младенцев на воспитание пастуху. «По приказу царя никто не должен был произносить в их присутствии ни одного слова <…> Так поступал Псамметих <…> желая услышать, какое первое слово сорвется с уст младенцев после невнятного детского лепета. Повеление царя было исполнено. Так пастух действовал по приказу царя в течение двух лет. Однажды, когда он открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца пали к его ногам и, протягивая ручонки, произносили слово “бекос” <…> Псамметих <…> велел расспросить, какой народ и что именно называет словом “бекос”, и узнал, что так фригийцы называют хлеб. Отсюда египтяне заключили, что фригийцы еще древнее их самих» /27/ [16].

И хотя, возможно, Геродот здесь передает всего лишь легенду, от нас не должна ускользнуть суть: детская речь как некий исходный материал входила в круг древних исследований, касающихся языка. А знакомое нам изречение «устами младенца глаголит истина» некогда могло выражать самые определенные и конкретные знания о праязыке и связанных с ним изначальных именах Бога. «Да! разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу”?» /Мф 21:16/.

Следующая ссылка на материалы древности заставит нас оторвать взгляд от колыбели и обратить его к звездному небу:

«…Лишь одна группа звезд в египетской картине мира приобрела устойчивую, прочную значимость <…> ее важность была связана с победой над смертью. В прозрачном воздухе Египта звезды выделяются своим блеском. Большинство звезд скользят через небосвод по серповидной кривой и исчезают за горизонтом. Но на одном участке неба звезды движутся по меньшей орбите и, ныряя к горизонту, все же никогда под ним не исчезают. Это – околополярные звезды, обращающиеся вокруг Полярной звезды, те звезды, которые египтяне называли “не знающими уничтожения” <…> В древние времена этот северный участок неба был важной частью вселенной. Очевидно, там не было смерти, а стало быть, это было место вечного блаженства…» /29/.

Какое же отношение имеют эти рассуждения к этрусской письменности? Разумеется, мы пока не можем настаивать на «звездном» ее происхождении. И все-таки считаем вероятным предположить, что знаки этрусских надписей, по крайней мере отчасти, действительно «представляют доподлинно идею своими очертаниями», а кроме того соответствуют рисунку сочетаний звезд, «не знающих уничтожения».

Таковыми прежде всего представляются следующие:

---

[15] «Древние народы относились к письменности с благоговением, как к некоему чудодейственному искусству <…> Вавилоняне нарекли создателем письма и счета бога мудрости Набу (небо? – *С.* М.), сына творца вселенной Мардука (мировой дух? – *С.* М.)» /25/. «Считалось, что письмена обладают магической силой, так как они являются воплощением сказанного…» /26/.

[16] Фригийцы – «народ, проникший из Фракии в Западную Турцию после падения хеттов»/28/. В древнем именовании фригийцев – *муски* – звучит название *мосхи,* с которыми мы связываем имя нашей столицы – Москвы. Слово *бекос* может транслитерироваться как *Богос (Бог)* и *пекос (печеное).* В этой связи ср. русское слово *колобок* (буквально: *Солнце-Бог).* Наблюдения о ритуальном значении хлеба могли бы составить отдельную работу.

1 (знак, идентичный начертанию арабской единицы; по Гриневичу, соответствует звучанию ПО; его вариант I – по Гриневичу, И). Логично этот знак рассматривать также как несущий значения ПРО *(старый)* – Первый, Единый, Единственный, Высший и Первенец;

q (БА – БЕ, по Гриневичу). Знак, возможно, воспроизводящий своими очертаниями ковш Большой Медведицы – созвездия, которое привлекало особое внимание в древнем мире; знак, дающий в этрусском тексте начало слову БАЖЕ – *Бог* (отметим, что, повернутый вправо, этот знак в современном русском письме означает Р, что отсылает к древнейшему имени Солнца – *Ра,* видимо, принадлежащему пракорням);

M (МО, по Гриневичу) – знак, воспроизводящий очертания созвездия Кассиопеи, обращающегося вокруг Полярной звезды, в центре Млечного Пути, в гуще скопления звездной материи. Одновременно этот уникальный по выразительности знак, согласно нашему предположению, символизирует положение женщины в момент деторождения и в связи с этим в ряде случаев может рассматриваться как идеограмма МАТЬ;

↓ (КИ, КРИ – кровь, по Гриневичу). В скандинавской рунической письменности этот знак «указывает на упадок сил» /30/. Может, видимо, расшифровываться как идеограмма КРОВЬ, СМЕРТЬ;

8 (З(Е), по Гриневичу). По нашему предположению, основанному на символике, распространенной у древних народов /31/, может рассматриваться также в ряде случаев как идеограмма ЗМЕЙ. Древнерусское звучание этого слова – *зъя* – близко к озвучиванию этого знака Гриневичем.

К сути этих нескольких идеограмм этрусского текста мы, вероятно, только приблизились, ибо исчерпать их значения, в силу общего изменения способа мышления и закрытости от нас знаний, известных древнему миру, едва ли просто.

Теософы, имевшие, вероятно, доступ к неким источникам, связанным с остатками древних знаний, посвятили немало страниц интересующим нас вопросам письма и языка. «…Священные писания пишутся особым, символическим языком <…> Ни одна истина не сообщается в чистом, неприкрытом виде, поэтому писания нужно уметь понимать не только буквально, но и уметь читать между строк» /32/.

Священные знания, связанные с воздействием слова на духовный мир человека и на окружающий нас материальный мир, в ходе религиозной борьбы оказались закрытыми, были извращены и, видимо, по большей части утрачены, что отразилось, в частности, в библейском рассказе о Вавилонском смешении и в мифах о падении Трои[17] и походе аргонавтов за Золотым руном.

На то, что слоговое письмо Перуджианского камня содержит некие особые принципы, как нам кажется, указывают его уникальные, не передаваемые «более прогрессивным» алфавитным письмом качества. Сжатость и нелинейность, многомерность осмысления информации, заложенной в этом тексте, «избыточность» и «регенеративность», позволяющие восстановить смысл даже при утрате части сообщения, – все это поражает неподготовленное воображение, воспитанное на буквенном письме[18].

В этой части работы мы предлагаем лишь один из возможных вариантов перевода. Но каждая из переведенных нами строк несет в себе дополнительно огромный объем сведений,

---

[17] Систематизатор эзотерических знаний, говоря о причинах Троянской войны, считает, что «осада Трои есть символическое представление похищения человеческой души (Елена) человеком (Парисом)» /33/.

[18] Не это ли столь поразило св. Кирилла, который, как сообщает «Паннонское житие», не только обнаружил в Херсонесе написанные русскими письменами Евангелие и Псалтырь, но «и чловека обретъ глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силу речи приимъ, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа [и] согласнаа, и к Богу молитву творя, въскоре начатъ чести и сказа-ти, и мнози ся ему дивляху» /34/. Отсюда видно, что сам солун-ский посланец обучился у некоего русского какой-то особой речи и письму. В приписке к паннонской легенде, вошедшей в состав «Сказания о грамоте русстей», которое внесено в списки полной редакции Толковой Палеи, утверждается, что как русская вера, так и грамота одинаково богооткровенны /35/.

которые детально уточняют рассказ и идеальным образом последовательно укладываются в общий контекст (см. приложение 3).

Таково древнее этрусское, а правильнее сказать – **русское** письмо, ибо нет необходимости давать новое имя языку, который существует на протяжении тысячелетий.

«Клинописную табличку нельзя читать просто так, “с листа”, исключая те редкие случаи, когда знакомый текст и заранее известное приблизительное содержание текста могли подсказать правильный выбор чтения того или иного клинообразного знака (каждый из которых допускает много чтений). Обычно и для древнего грамотного человека чтение клинописного текста содержало определенный элемент дешифровки, интуитивного угадывания текста» /36/. Это хорошо известное ученым положение справедливо и для чтения текста Перуджианского камня. Его дешифровка велась по схематическому изображению памятника (см. приложение 1). Памятник содержит 24 строки на лицевой стороне (505 знаков) и 22 строки на боковой (183 знака); всего 46 строк (688 знаков, включая точки).

Озвучивание знаков проводилось в основном в соответствии с разработанной Г. С. Гриневичем таблицей «Знаки этрусских надписей» /Гриневич, с. 309/ (см. приложение 2).

В указанном издании Г. С. Гриневич публикует результаты попытки перевода лишь лицевой стороны памятника, причем окончание 20-й строки, а также строки 21 и 22 только озвучены и не имеют варианта разбивки и перевода. Очевидно, затруднения вызваны тем, что в этих строках заключена информация, содержащая целый ряд имен собственных, в том числе исторические топонимы древней Палестины.

Как стало ясно, озвучивание Гриневичем лицевой стороны памятника сделано в основном верно. Мы внесли вероятные уточнения там, где приходилось иметь дело со сходными по начертанию знаками, учитывая возможность искажения изображения на схеме или при их поздней прорисовке на оригинале с целью обновления, а также принимая во внимание вероятную частичную утрату знака вследствие древности памятника.

Для этой цели было подготовлено 46 (по числу строк) специальных таблиц, в которых каждый знак соответствующей строки расшифровывался: 1) по варианту перевода Гриневича; 2) по варианту нашего определения знака с озвучиванием его по таблице Гриневича (в большинстве случаев определения знаков Гриневичем и нами совпадали); 3) с учетом вариантов звучания данного знака, исходя из его возможного искажения на схематическом изображении памятника или частичной утраты (использованы в вариантах разбивки и перевода в единичных случаях).

Работа над переводом дает возможность безусловно подтвердить выводы Гриневича о том, что этрусское письмо является слоговым, причем для него характерны открытые слоги типа СГ и Г (согласный плюс гласный и один гласный)[19]. Возможно также, подтвердится предположение Гриневича, что в редких случаях встречаются слоги типа ССГ (сдвоенный согласный плюс гласный), причем при письме один из согласных опускается.

Как удалось установить, при общем слоговом характере письма в данном тексте несколько раз встречаются идеограммы: **1** *(Первый, Первенец, Единый, Единственный, Высший);* **↓** *(Кровь);* **8** *(Змей, Змеи,* возможно – Зевс), т. е. письмо отчасти является смешанным: слоговое плюс идеографическое, что характерно для некоторых древних систем письменности.

Направление письма – слева направо – Гриневичем установлено верно. Хотя общий вид памятника: и выравненное правое поле, и единственный заключительный знак боковой стороны текста, помещенный в правой части строки, – как будто свидетельствует об обратном. Мы склонны рассматривать эти особенности памятника как своеобразный прием криптографии,

[19] Это характерно и для древнерусского языка. Когда полугласные исчезли из живой речи, в церковном пении «их продолжали “тянуть”: вместо “спас” пели “сопасо” <…> вместо “днесь” – “денесе”…» /37/.

использованный с целью представить запись текста в качестве не-арийской ради сохранения этого особо важного сообщения.

Отступы от края левого поля не соответствуют нашему представлению о красной строке и, возможно, сигнализируют о переносе слова, что в ряде вариантов перевода находит подтверждение, а в одном-двух случаях указывает, вероятно, на утрату знака (и то и другое предположения предстоит уточнить).

Знак (точка, помещенная выше линии строки) несомненно соответствует современной функции точки и отделяет законченные смысловые отрезки речи, хотя помимо простых предложений встречаются сложносочиненные, не имеющие никаких разделительныхзнаков.

Неполные строки лицевой стороны – 8-ю (занимает правую часть строки) и 12-ю (занимает левую часть строки) – предположительно можно считать утраченными (в связи с чем перевод их неполон), а скорее всего, судя по содержанию соседствующих строк, уничтоженными с умыслом.

Различные варианты разбивки строк (из которых мы избрали для этой части работы лишь один) составили словарь, в который вошло более 150 слов. Слова преимущественно являются двусложными и, как подсказывает ритмика текста, имеют ударение на первом слоге, трех-, еще реже четырехсложные слова имеют ударение на втором слоге. Обращает на себя внимание явственно выраженная ритмичность текста, особенно лицевой стороны памятника: по характеру эта ритмичность напоминает древнерусские плачи.

Текст Перуджианского камня содержит имена собственные, в том числе личные имена и исторические названия городов и местностей древней Палестины, а точнее – известной по Библии Моавитской земли.

При первом же ознакомлении с текстом Перуджианского камня в варианте разбивки Гриневича (с беглой предварительной поправкой) были выделены повторяющиеся – видимо, ключевые – оппозиции: РОЖЕ *(род)* / РОЙ; ИЕРЕ *(иереи)* / РАВО *(раввины),* которые и позволили выдвинуть предположение, что речь идет о противоборстве двух народов и двух религиозных систем. Причем автор текста определяет свой народ словом РОЖЕ, а народ противника – РОЙ.

Дальнейшая работа над переводом позволила установить место развертывания описываемых в тексте событий и значительно отодвинуть датировку памятника (к X–IX вв. до Р. Х., о чем подробнее ниже).

При уточнении перевода принималась во внимание лексика древнерусского языка по историческим словарям, а также были привлечены некоторые диалектизмы и немногие слова других арийских, преимущественно славянских, языков.

Применение при дешифровке приемов схедографии – прочтение по звуковым стыкам предполагаемых слов или созвучий в целом – приоткрыло возможность определить в уже освоенной строке некое новое дополнительное содержание.

Изучение грамматических форм (с учетом возможного приспособления их в данном памятнике к требованиям скорописи) представляет собой задачу будущего.

Весь строй переведенного нами текста перекликается со многими известными древнерусскими памятниками гораздо более позднего происхождения. Речь Перуджианско-го камня, несомненно, более выразительна и гармонична, нежели современная русская речь, что вызывает определенные затруднения при переводе.

В целом дешифровку памятника можно считать завершенной, поскольку прочтение текста возможно практически в любых вариантах контекста.

Это наш древнейший русский язык.

Далее мы приводим древний текст, которому нами дано условное название «Слово об ариях», и его подстрочный перевод на современный язык. Отточия в прямых скобках соответ-

ствуют утраченным отрезкам текста; угловыми скобками обозначены слова, представленные в памятнике идеограммами. Непереводимые слова набраны прописными буквами. [20]

[СЛОВО ОБ АРИЯХ]
Древний текст

Лицевая сторона

Рече ниже бааре. Аро Роана.
На Аре Воже жемае рой ворежийе.
Ратево аре бе Кие йе жешее
Во баайе Воже реже резмое рово Зьее аре Намо
Мой же намо Розо жена и бе жеремово <Зьее> Роани жена
Боже Поаро роже Ра Ашее апо имо жиро Моаба
Жипо мо е байа мо а Баво вое
Рой ворежийе и изурожий ие во нире войе
Можи реще рече щежийе
Моаба […] во бааре во наре пожеи йе зъже
Во йерее рони байа моа
Рой ворежийе ймо жирево Ажи.
Вороже йе. Аро войе море ида. Диво.
Имо раже може рово <Зьее> море аво баарйе и реже <Зьее>.

Иере <По>
Живо рево <кри>
Рово вороже РЕЙЕ […]
А рой ворежийе.
Жеремово <Зьее> щеже и <кри>.
Мо аре е <Зьее>.
Чему аще на жире йе и рово щеже пое йе аворо ира

Йе и на морее
<Зьее> Диворе ни йе ройа бе мо.
Баже Поаро мо ниже рожеи.
Баже Поаро. Наво Ра.
А рой вореже
Реже йе аро во <Зьее>.
Реже РЕЙЕ А рой ройее.
Чему аще жеше соще жити рой.

СЛОВО ОБ АРИЯХ
Перевод
Лицевая сторона

Речь ниже боярам. Арии Рояна.

[20] Относительная полнота передачи содержания текста может быть достигнута лишь путем воспроизведения всех вариантов разбивки и перевода каждой из 46 строк и сведения их в единый текст. Варианты подстрочного перевода, а также сводный перевод памятника см. в приложениях 3 и 4.

Нашу Арийскую Вожу прижимает рой вражий.
Ратичи ария бой-Кия ими сожжены.
На певучей Воже резьмя режут раво Змея ариев Наамы.
Мое же имя Роза, жена, и была пожерта Змею Рояна жена.
Боже Правый, род Ра! Ашея надежду имет – жиро Моаба.
Отчине моей сказ мой о Баво-вое.
Рой вражий и прокаженные их в башне воют.
Мужи рекут речи глумливые.
Моаба […] во бояре во яме заживо они сожгли.
Вот иереям Руна повесть моя.
Рой вражий имеет жертвище Яжи.
Ворожат они. Ариев-воев морят, идолы. Дивы.
Имут родовитых мужей равы Змея, морят старцев боярских и режут Змею.
Иереи Единого!
Жив зов крови.
Раво ворожат РЕЙЕ […]
Ай, рой вражий.
Жречище Змея жестоко и кроваво.
Мы – арии есть! Змеи,
Чому еще наше жиро им и равы щедро поят им утреннюю зарю?
Они и нас морят.
Змеи Диворы, не их рода мы.
Боже Правый мой, низкородные.
Боже Правый! Мертвое солнце их…
А рой ворожит,
Режут они ариев, вот змеи.
Режут РЕЙЕ.
А рой роится.
Чому еще губит сущую жизнь рой?

Ай рой ни Баже
Реще аро й воже роже Наамо
А й ни аро й ворежийе. РЕРОЙЕ.
Баво мое Баво вое рой воре жече. Ейе же.
Жиро зъже Наи жийе жиро Моаба
Жиро зъже Наво реже Рааба вое
Имо вощеи <кри> може Ра Моаба
Мой же намо Розо жена
Аро жешее рово <Зьее>
Аро войе моа
Навоворе же ж(р)емово на вожи бааро РЕРОЙЕИЙЕ

Баже Поаро. Роже Ра.

Боковая сторона

Мосу Ра <По> воре жече

Йевони су роже Ная попо.
И йе зъже роже и жиро аре <По> Мосу

Кише воре во <Зьее>.
Ида ида реже <По> Мосу
Чедо можи и вожи роже бааро й воре жече йесо.

Жиро войе йесо
Йе можи рово баводе
Йевони сужени жиро во вое.
И йе зъже роже. И […] во Зьее.
Мо соище воро воро жипо.
Мо аро воре жече Ашее.
Со рово Зьее со рой рой же.
И рече бе вода Кие
Аро вои Бажени
<Кри> рово воре и вое со йе.
<Кри> ире даре во
<Кри> во
<Кри> йнийа
<Кри> жийе же.

Ай, рой не Божий!
Рекут, арий – вождь их, рода Наамы,
А он не арий, он вражий. РЕРОЙЕ.
Баво моего, Баво-воя рой воров сжег. Ей же!
Жиро жгут Ная – живое жиро Моаба.
Жиро жгут Наава, режут Раабы воев,
Имут вещую кровь мужей Ра Моаба.
Мое же имя – Роза, жена.
Ариев жгут равы Змея.
Аро, вои мои!
Навоверы приносят в жертву наших вождей боярских РЕРОЙЕИЙЕ.
Боже Правый! Род Ра.

Боковая сторона

Мессию Ра, Первенца, воры сожгли,
Иевония от рода Ная, попа.
И весь сожгли род и жиро арийской семьи – Первенца, Мессию.
Куша воры, вот змеи!
Идолы, идолы, принесли в жертву Первенца, Мессию,
А чада, мужей и вождей рода боярского они, воры, сожгли, иесо.
Жира воры – иесо.
Их мужи-равы наводят.
Иевония-инока священная кровь вот, вои.
И они сожгли род. И […] вот змеи.

Мы соищем воров – воров жизни священного рода.
Мы, арии, сожжем воров Ашеи.
С раво Змея, с роем, роем же.
И речь была воеводы Кия:
Аро! Вои Божии!
Смерть раво-ворам и воям их!
Кровь священного дара вот!
Кровь вот.
Кровь скинии.
Кровь живая.

Таков этот плач, этот сказ, эта *байа* – страстная параллель ветхозаветному преданию /4 Цар 3/.

Слишком много времени – три тысячелетия – разделяют нас. Многое вызовет здесь изумление и сомнение. Ряд вопросов, возникших по ходу чтения, несомненно снимется при чтении подробного перевода и комментариев к нему.

Но главное для понимания этой работы – отринуть глубоко сомнительный и, как представляется, порочный принцип, утвердившийся в современном языковедении, согласно которому два имени, одинаково звучащие в разных языках, не имеют ничего общего /38/. **Такой подход дробит живое единородное слово, делает недоступными заключенные в нем знания и не позволяет составить цельной кратины мира: прошлого человечества, его веры, его истории.**

Пусть опорой в нашей работе станет суждение И. Канта: «…задача исследователя древности стоит в том, чтобы, руководствуясь *языковым родством,* проследить происхождение современных *религиозных понятий* у различных народов» /39/.

Опыт получения информации исходя из самого языка – путем собирания и сопоставления созвучных слов, – несомненно, вызовет бурный протест среди специалистов, однако он был известен и Шумеру и Древнему Египту /40/, и можно не сомневаться, что наука вернется к нему и признает его. Другое дело, что подобные исследования на материале современных языков подчас приводят к поразительным, с трудом поддающимся осмыслению противоречиям, – и это есть грозные симптомы распада единого языка как последствия распада некогда единой веры.

И теперь нам остается только отправиться на правую сторону Иордана в Моавитские земли – место, которое сами древние русские называли МОАБ.

«*Моав, моавитский, моавитяне* (потомство отца) /Числ 22:1; 33:48–50 и др./ – страна, находившаяся на востоке от Мертвого моря, по обеим сторонам реки Арнон. Жители этой страны назывались моавитянами, по имени Моава, сына Лотова от его старшей дочери. Моав был родоначальником моавитян /Быт 19:30–37/» /БЭ, с. 479/.

Итак, события, описываемые в тексте Перуджианского камня, происходят не в мифической, никому не известной стране, но среди народа, многократно упоминаемого в Ветхом Завете в качестве заклятого врага иудеев.

Земля Моавитская не покорилась противнику во все дни существования царств Иудейского и Израильского. Южная ее половина, судя по историческим картам, даже формально не принадлежала ни одному из двенадцати израильских колен.

Самое имя Лота, родоначальника моавитян, а также сведения о нем и его потомстве несут на себе печать недоговоренности и тайны, попытка постичь которую, опираясь на библейские имена и иносказания, после тысячелетий искажения истинного языка может лишь запутать

дело и привести к неправильным, далеко идущим по последствиям выводам. И потому постараемся опираться в рассуждениях только на самые надежные источники и известные факты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.